

**ЕВГЕНИЙ
САЛИАС
ТУРНЕМИР**

БЫЛЫЕ ГУСАРЫ

Библиотека русской классики

Евгений Салиас де Турнемир

Былые гусары

«Седьмая книга»

1891

УДК 882-31 Салиас
ББК 84 Р1

Салиас де Турнемир Е. А.

Былые гусары / Е. А. Салиас де Турнемир — «Седьмая книга»,
1891 — (Библиотека русской классики)

Что случается, когда в одном городке живут две очаровательные юные и незамужние сестры и там же расквартирован гусарский полк? А если еще, к тому же, барышни очень богаты, а гусары очень brave и почти все холостые? Случается очень многое, и, прежде всего, конечно любовь...

УДК 882-31 Салиас
ББК 84 Р1

© Салиас де Турнемир Е. А., 1891
© Седьмая книга, 1891

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Евгений Андреевич Салиас де Турнемир

Былые гусары

2023 © Издательство «Седьмая книга». Редакция. Зыбин Ю.А.

2023 © Издательство «Седьмая книга». Редакция, составление, оформление

2023 © Издательство «Седьмая книга». Редакция, примечания, оформление

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в любой форме и любыми средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав

"Об информации, информационных технологиях и о защите информации"

ФЗ РФ от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 31.12.2014);

Ст 146 УК РФ (лишение свободы до 5 лет)

Посвящаю

бывшему командиру

****ского Гусарского полка*

Глава 1

Дело было в сороковых годах...

Богоспасаемый городок Малороссийск, раскинувшись на крутом берегу Днепра, состоял из двух больших улиц, десятка переулков и одной площади, где высился большой собор. Одни переулки выходили в поле, другие упирались в крутой берег и спускались между хат и хибарок к самой воде. Но они только сами спускались, по ним же никто на колесах спускаться не отваживался по милости их крутизны, а из пешеходов двигались тут преимущественно только бабы с коромыслами, или с бельем, да обыватели с лошадьми на водопой.

В Малороссийске было две церкви, из коих наибольшая и именовалась собором, были три большие здания присутственных мест и еще три, или четыре каменные дома, принадлежавшие богатым помещикам уезда.

Обыватели разделялись на три сорта: мещане и немного дворян, затем евреи и, наконец, временный пришлый элемент, представители местных войск.

В Малороссийске стоял Мариинский гусарский полк и, кроме того, одна батарея.

В одном из больших домов, полу усадьбе, на окраине городка жил командир полка. Невдалеке от него, при выезде из города, помещалась полковая канцелярия и жил адъютант. В довольно большом доме, в середине городка, в переулке помещалась нестроевая команда со своим командиром, а рядом с ними музыканты.

Большинство офицеров жило на квартирах, в самом городке, так как эскадроны были расположены по селам, недалеко, в трех и пятиверстном расстоянии.

Местное общество состояло из полдюжины дворянских семейств, живших в городке, да еще полдюжины семейств ближайших помещиков и, конечно, всех гусарских офицеров.

Главными членами общества были вновь избранный предводитель дворянства, а равно и прежний предводитель, благодаря его большому состоянию, а равно и хлебосольству в красивой усадьбе, недалеко от городка. А затем еще большим значением в обществе пользовался командир Мариинского полка флигель-адъютант полковник Граук.

Приняв полк с год назад от командира, полного невежды в военном деле, новый командир занимался тем, что с большим трудом, но упорно и успешно «подтягивал» полк.

Прежний командир, полковник Мамаанастазопуло, с прозвищем «мамашка», чрезвычайно любил раскладывать гран-пасьянс, предпочитал всему на свете рахат-лукум и очень недурно, или, как говорили барышни, «пречувствительно» играл на флейте.

В полку при этом греке-командире была рознь и много недоразумений. У Мамаанастазопуло была жена и старая девица дочь, самые отчаянные сплетницы, и обе сумели перессорить почти всех офицеров. Теперь рознь исчезла, и полк жил дружно. Даже самый злоязычный в полку офицер, подполковник Бидра, воплощенная змея, и тот меньше язвил и кусался.

Всю половину зимы гусары прожили тихо и скучно. О веселье, подобно предыдущей зиме, не было и помину. И только теперь, перед самыми святками, Малороссийск вдруг оживился и видимо сильно взволновался. Повсюду стало заметно особенное движение, как в лучших домах, так и на улице.

Да и было отчего взволноваться обывателям городка!

Офицеры гусарского полка собрались устроить бал в честь жены своего командира. Целый месяц шла речь о бале, как и где устроить его.

Дело было в том, что во всем городке было только два свободных дома с большими залами, где можно было танцевать. Но один из них, по имени «Княжеский», стоял одичалый, с выбитыми стеклами в рамах и замороженный, а другой был собственно усадебный дом, то есть был за пять верст от городка, и поэтому назывался даже «Пятовским». Он стоял тоже пустой и запертый, ибо владелец его, богатый местный помещик, жил в другой губернии.

Полк решил избрать «Княжеский дом».

Переговоры о том, чтобы нанять его на один раз для бала велись с управителем, который должен был списаться с князем, всегда жившим за границей. Разрешение было, наконец, получено, и «Княжеский дом» оживился. Прежде всего, надо было вставить рамы, затем хорошо вычистить, даже кое-где переменить обои, а главное – вытопить. Уже целые две недели как дом готовился для бала, а все еще был не в порядке и холоден.

Всем распоряжались адъютант и казначей.

Офицеры выбрали их распорядителями, как самых дельных и самых усердных.

Казначей Уткин взял на себя часть увеселительную, а адъютанту Немовичу было поручено все самое «существенное»... от повара до шампанского.

Оба офицера хлопотали постоянно в нанятом доме. Хотя теперь оставалась еще неделя до бала, но и многое еще приходилось устроить.

Среди дня многие из офицеров полка от нечего делать заезжали в дом поглядеть и поболтать. Некоторые из них помоложе делали репетицию – пробовали пройти мазурку, а то и польку. И все оставались довольны и паркетом, и размером залы. Было где развернуться!

– Такой бал закатим... Только держись! – говорили они.

Глава 2

В темный сырой вечер, при легкой оттепели, по одной из улиц Малороссийска, часов в восемь, двигался медленными шагами молодой гусар. Он направлялся именно к «Княжескому дому», заранее условившись с товарищами, распорядителями бала, вместе идти на вечер к старшему полковнику.

Офицер шел, глубоко задумавшись и, уже приближаясь к улице, где был нанятый для бала дом, вдруг повернул в противоположную сторону.

– Не могу! – вымолвил он вслух. – Хоть на секунду. Все будет легче.

Он прошел переулок и вышел на главную улицу городка, Дворянскую, которая, однако, была так же темна, как и все остальные. Только в одном месте разливался сильный свет. Но причиной тому были не уличные фонари, а ряд освещенных окон большого дома.

Офицер перешел улицу, на противоположную сторону от дома и, очутившись против него, остановился. Улица была настолько широка, что свет окон не достигал до него, и он стоял в темноте.

Пристально и пытливо глянул он в дом. Занавесей не было нигде, и горницы, окнами выходившие на улицу, были как на ладони.

Передняя, гостиная и еще маленькая комнатка были ярко освещены и видимы до мелочей. Но все эти горницы были пусты.

– Чай пьют, – решил он, зная, что столовая выходит окнами во двор. – Подождать? А если увидит кто... Глупо... Вдыхатель чуть не из-за забора!

И он стоял в нерешительности... потом двинулся, но тотчас же снова остановился.

Офицер-гусар был корнет, князь Аракин, молодой малый, но некрасивый и неуклюжий. Главной же чертой его характера была особенная щепетильность и обидчивость, из-за чего у него было немало недоразумений. Аракин кичился немного тем, что был единственный титулованный офицер в полку. При этом средств у него не было никаких и он жил одним жалованьем. Вообще же это был очень добрый малый, честный и прямодушный.

Не прошло минут трех, как на улице по той же панели, где он стоял, показался среди тьмы прохожий и послышался звук шпор.

Князь быстро двинулся от проходящего, но, отойдя несколько шагов, обернулся и разглядел какого-то офицера в шинели, который стал почти буквально на покинутом им месте и также глядел на освещенный дом.

– Что такое! – почти взволновался князь. – Это странно. Неужели и другие то же делают. Но кто же это?

И он решился стоять и ждать...

Занявший его место тоже стоял неподвижно, очевидно занятый наблюдением в окна.

Прошло минут пять, но князю, в котором давно закипали ревность и тревога, показалось, что прошло уже четверть часа и даже более...

Он вдруг решился и двинулся назад, чтобы спугнуть офицера, занявшего его место, а главное, узнать кто он.

Офицер, оказавшийся по шапке гусаром, не двинулся с места завидя князя и, приглядевшись к нему, засмеялся...

– А я здесь дежурю... Смотрю... Здравствуйте, князь... – заговорил он юношески свежим и слегка женственным голосом.

Товарищи поздоровались, и князь стал около.

– Что вы, Звездочкин, смотрите? – выговорил он несколько необычным голосом.

– А вот шел мимо в гости и увидел. Вон видите! – показал офицер на окна.

Князь поглядел и увидел, что гостиная была уже не пуста. В ней появились три личности. Сидевшая на диване пожилая женщина, около нее на кресле молодая девушка, блондинка, а затем ближе к окну другая женщина, высокая и седая. Поодаль от них среди горницы двигался и что-то проделывал, будто представлял нечто... их же товарищ, гусар.

Быстро оглядев всех, князь вымолвил:

– Вижу... Но что же тут любопытного?

– Ничего! – отозвался Звездочкин. – Теперь ничего. А когда я проходил, он Бог знает что делал. Смешно было... Точно трепака плясал... Да и теперь, смотрите, он что-то изображает. Кажется, показывает, как саблей рубят... А ведь я его не признаю. Кто же это...

– Не признали. Это командир нестроевых, болван Караваев! – сердито ответил князь.

– Так, так... Узнал. Я его один раз только видел. Являлся... А дом это чей?..

– Дом? Вы не знаете, чей это дом? – удивился князь, и тотчас заподозрил юного товарища во лжи.

«Впрочем, может и правда не знает, – подумалось ему. – Ведь он недавно произведен в офицеры и всего с неделю, как в городе».

– Это дом Задольских, – сказал он.

– Кто такие?

– Задольские, две сестры, девицы.

– Это они и есть... Вот которая стоит, а другая сидит. Старые девицы...

– Нет, – рассмеялся князь. – Это приживалки. Вон молоденькая – Задольская. А другой сестры в горнице нет...

– Она хорошенькая... Белокурая... А та такая же или хуже?..

Князь не ответил.

– Что же, Караваев их хороший знакомый?

– Даже вздыхатель. В женихи метит, как и все Мариинцы... – сказал князь. – Как и вы будете скоро, – прибавил он сухо.

– Я?! Что вы! Христос с вами! – воскликнул Звездочкин. – Нет, князь, если моя нога переступит хоть раз порог этого дома, то ждите светопреставления на другой же день. Я терпеть не могу дамского общества и от всякой юбки спасаюсь бегством.

Между тем гусар, видимый в гостиной, что-то снова усиленно размахивал правой рукой. Женщины смеялись.

– Дурак! – вдруг резко выговорил князь. – Показывает, как пикой колоть. Воин! Как же? Герой гусар. Портняга. Даже на маневрах не бывал. Воображает, что поясничеством понаравится. Осел. Идиот... Пойдемте! – прибавил он слегка нетерпеливо.

И оба офицера двинулись вместе.

Товарищ, которого встретил князь, был только что произведен в корнеты. Это был среднего роста, очень юный на вид и белолицый молодой человек с большими красивыми глазами. У него не только не было усов, но не было и тени какого-либо пушка на губах. Это был в полном смысле слова птенец, вылетевший только из гнездышка.

На Звездочкина и смотрели в полку именно так. Это был один из тех офицеров, которые находятся на особом положении во всяком полку. Все считают долгом им протектировать. Они – полковые дети.

Это те юноши, которые прямо от маменьки с папенькой, от мамушек, тетушек, братьев и сестриц, с варенья и печенья, попадают прямо в среду офицеров. Они всегда ухмыляются глупо, озираются робко и краснеют от всякой офицерской беседы, так как многое, о чем у маменьки с папенькой было запрещено даже и на уме иметь, здесь говорится вслух. Звездочкина звали в полку: птенчик, цыпленок, душанчик. За последнюю зиму кто-то почему-то прозвал его «княжна», и это прозвище укрепилося за ним.

Офицеры долго шли молча. Князь насвистывал марш, а насвистывание было у него всегда признаком внутреннего волнения.

– Вы куда, Звездочкин, идете? – сухо спросил он, наконец.

– Я... Я так... – смутился видимо юноша. – Я вот пройду и вероятно домой.

– Так я вас провожу до вашей квартиры.

– Да... Но... Я не знаю... Может быть я...

Корнет окончательно запутался и запнулся. Князь косо глянул на него, но среди темноты ночи не мог видеть лица его. Голос, однако, явно выдавал его смущение.

– Опять под окна!! – резко вырвалось вдруг у Аракина вспышкой.

– Что?.. Какие окна!?

– Опять под окошки того дома, который вы якобы даже не знаете кому и принадлежит.

Звездочкин приостановился и обернулся к товарищу.

– Совсем ничего не понимаю... – тихо произнес он.

– Вы влюбились, – заговорил князь глухо, – в одну из Задольских. Как и все мы по очереди влюблялись. Вот и все!.. Мне любопытно знать только одно: в которую... в младшую или старшую?

– Христос с вами! – воскликнул Звездочкин.

– Я вас убедительно прошу, господин корнет, отвечать, в которую... – почти грозно произнес Аракин, тяжело переводя дух. – Одна из них мне личность не чужая... Одна из них... Я люблю одну из них и надеюсь добиться взаимности... Вот!.. Я говорю прямо... Мне все равно. Это чувство невыносимо... Лучше прямо объясниться...

И князь от волнения почти задохнулся.

Понявший, наконец, все Звездочкин остановился, задержал Аракина за руку и горячо, наивно, но красноречиво начал убеждать товарища, что он все во сне видел.

Князь, наконец, успокоился, протянул руку корнету и произнес мягко:

– Простите. Я ревнив, как дьявол, как дурак. Но, ради Бога, обещайте, чтобы все осталось между нами. Я высказался вам одному. Из-за того только, что поймал вас на том месте, где бываю всякий вечер, чтобы видеть ее... Я бываю часто у них, но, конечно, не могу бывать ежедневно. Сплетни пойдут... Итак, даете слово, что все останется между нами.

– Даю... Богом клянусь...

– Ну, прощайте, – улыбнулся князь, подавая руку. – Идите на свое тайное свидание.

– Я иду к одному... Меня позвали в гости, – снова смущаясь, отозвался корнет.

– Ладно... Ладно... Идите...

– Ей-Богу!

– Да ладно, говорю...

– Ну ей-Богу же, вы Бог знает что вообразили! – горячо протестовал Звездочкин. – Ну, хотите я вам правду скажу! Хоть и стыдно... Вы ахнете и меня на смех поднимете.

– Почему же... Свидание, вот и все... С какой-нибудь Оксаной, Олесею, а то с Хайкой, то есть жидовкой.

– Ну, слушайте... Я шел к гадалке.

– Что-о? К кому? – воскликнул Аракин.

– К гадалке... Ну вот, что на картах гадают... Тут одна... говорят, удивительная.

Звездочкин ожидал, что товарищ прыснет со смеху и начнет подшучивать, но князь стоял молча и будто что-то обдумывал.

– Откуда же вы знаете, что в городе есть такая?... – спросил он, наконец.

– Хозяйка квартиры мне сказала.

И Звездочкин, ободренный тем, что князь не стал сразу над ним насмехаться, начал воодушевившись объяснять, что он верит «во многое эдакое...» Он сознался, что у него теперь важное семейное дело на плечах, от которого зависит вся его будущность, и ожидание исхода

этого дела его просто измучило. Поэтому он решился развлечься, потешиться и пойти спросить хоть у гадалки, что его ожидает в скором времени.

– Хозяйка говорит, – прибавил Звездочкин, – что эта сущая колдунья, что ее на сто верст кругом все помещики знают и часто за ней своих лошадей присылают, выписывают к себе погадать... Вот какая!.. Что за важность... Ведь это же не бесчестное дело, – извинился корнет. – Ребячество и малодушество идти гадать. Правда. Но, право, иное много хуже. Вот хоть схитрить, обмануть, солгать...

– Ну, Звездочкин, вот что... Я с вами! – вдруг выговорил князь, добродушно рассмеявшись. Ведь я вам не помешаю.

– Идемте. Я очень рад... Очень, очень рад... – воскликнул юный корнет. – Вдвоем веселее, да и удобнее... Будто не в серьез, если два человека и больше... А один пойдет – выходит таинственно. Как будто и впрямь, что важное совершает и прячется... Идемте. Тут недалеко.

Товарищи двинулись, весело болтая.

– Вот не воображал куда вдруг уйду! – сказал Аракин. – Знаете, я еще ни разу этим не занимался... Гадать...

– Нет, я... Я иногда бывал, – сознался виновато Звездочкин. – В Петербурге в зиму-то раза два заходил... Там была эдакая старая женщина, теперь умерла уж, дворянка, разорившаяся, с проломленной головой...

– Вон как! – рассмеялся Аракин.

– Да. Во лбу дыра – кулак влезет. Неприятно было смотреть на нее. Как она, знаете, гадала! Поразительно!

– Несмотря на пролом в башке?

– Напротив, она уверяла, что с тех самых пор, как ее разбили лошади и изуродовали, она именно и начала ясно видеть будущее... Карты она клала бывало так... будто для проформы только. А сама смотрит в стену или потолок и говорит... говорит...

Глава 3

Гусары повернули в переулок и остановились у третьего маленького дома. Калитка оказалась запертой. Крайнее окошко, очень низкое, было довольно ярко освещено. Они постучали.

Через несколько мгновений на дворе раздались шаги, кто-то подбежал к воротам и пискливый голосок спросил:

- Чего там?..
- Здесь живет Авдотья Галактионовна Мушкина? – спросил Звездочкин.
- Здесь. Здесь. Вы к ей, стало быть...
- Да. Да. К ней самой!
- По своей, стало быть, нужде?..
- Да, именно! И крайняя нам нужда, – пошутил князь. – Отпирайте.

Калитка отворилась, и молоденькая девушка, подросток, завидя двух гусар, ахнула и оторопела.

- Чего вы испугались... Мы такие же люди. Не грабители, – сказал Аракин.
- Нет уж, вы дайте... Я сбегая, спрошу у Авдотьи Галактионовны...
- Пустое... Зачем... – сказал князь и тихо прибавил товарищу. – Идите. Нечего предупреждать. Пожалуй, с носом останемся.

– Как же... Позвольте... – растерянно залепетала девушка. – Там же и гости... Барыня и барышня. Позвольте я спрошу...

Гусары не слушали и двинулись. Но затем оба остановились, не зная куда идти.

– Ну, идите, говорите Авдотье Евдокимовне, что ли... – сказал князь. Но когда девушка пошла вперед, оба офицера двинулись за ней вплотную... И все вошли вместе в холодные, длинные и темные сени, а затем и в домик. Душный, спертый воздух пахнул на них, когда первая дверь отворилась. Они очутились в просторной горнице, тускло освещенной сальной свечей, где оказалось все, что бывает во всяком доме, но в разных горницах. Тут был и диван, и кровать, и вешалка с верхним платьем, и большая русская печь с раскаленным жаром, где дымился горшок, и пахло щами, и, наконец, в углу столярный станок... Очевидно, эта комната заменяла собой много комнат.

Гусары остановились, озираясь на простую мещанскую обстановку, свидетельствовавшую о достатке.

Девушка юркнула в дверь второй маленькой горницы, где было светлее. Там начался шепот, потом сдержанный смех, очевидно веселая шуточная тревога.

- А ведь мы кого-нибудь из городских накрыли тут! – шепнул князь.
- Я об этом и не подумал! – затревожился юный корнет. – Ведь увидят...
- И мы увидим.
- Да ведь женщины... Им и Бог велел по гадалкам шататься. А мы-то? Гусары!
- Так что же? Гусары, именно... а не монахи, – улыбнулся Аракин.

В эту минуту из горницы, тщательно и не очень широко отворив и затворив за собой дверь, вышла пожилая и полная женщина, на вид простая мещанка.

– Извините, судари мои... А позвольте вам сказать, что вы в неурочное время посетили меня... – заговорила женщина простодушно, но развязным голосом и с жестами, доказывавшими, что она привыкла к сношениям со всякого рода людям и всякие виды видала.

– Вот что-с... – перебил ее князь. – Вы извините... Но нам днем к вам идти не совсем ловко... Что вы ни говорите, моя уважаемая Дарья Евдокимовна, но мы...

– Авдотья Галактионовна, – поправил Звездочкин товарища.

– Ну да... уважаемая Авдотья Галактионовна... – продолжал князь таким тоном, как если бы буквально повторял вторично то же самое имя. – Вы нас примите и нам нашу злосчастную судьбу распишите... А мы со своей стороны и красненькой для вас не пожалеем.

– Мне, сударь мой, господин офицер, – сухо отозвалась женщина, – извините, не знаю, как вас именовать. – Мне не в диковину ваши денежки. Меня господа дворяне во всей губернии знают и часто провизией одной на сотни рублей отблагодаривают... Да это что... А вот у меня теперь гости... И я вас впустить не могу... Пожалуйте завтра... А теперь милости прошу – ослобоните.

Звездочкин двинулся уже, чтоб уходить, но князь вдруг заупряился.

– Как вам угодно, моя дорогая, а мы не уйдем. Мы не бродяги какие и не жида. Какие бы гости у вас ни были, им гусарское общество не в обиду. Мы подождем. Барыни ваши кончать, уйдут, а мы начнем про нашу судьбу.

– Но позвольте, господин офицер... – с некоторым даже достоинством возразила женщина. – Может быть, моим гостям не желательно с вами повстречаться.

– Пойдемте! Ну что!.. – сказал Звездочкин.

Князь, ни слова не говоря, двинулся и сел на диван.

– Ну, пожалуйста... Ну, зачем... – начал умолять корнет.

– Застрелите меня тут, а не пойду. Так вот хоть до завтрашнего утра сидеть буду... Хочу я узнать свою судьбу от Анны... Анны Степанидовны...

За дверью в маленькой горнице вдруг послышался сдержанный смех.

Все обернулись на дверь.

– Вот видите, – сказал князь, – ваши посетительницы и те смеются, что вы нас гнать хотите. – И князь прибавил громче и обращаясь к дверям:

– Сударыни! Заступитесь за нас грешных.

За дверью раздался уже звонкий, откровенный, несдерживаемый смех, и князь вдруг наострил уши... Что-то знакомое и даже особенное почудилось ему в этом смехе. Он совершенно не знал, кто смеется, но его все-таки будто кольнуло.

Дверь претворилась, и незнакомый князю голос произнес:

– Авдотья Галактионовна... На минуточку.

Женщина, разводя руками от происшествия, какого с ней еще вероятно не бывало, вошла снова в горницу, из которой появилась.

– Ну, пожалуйста, уйдемте... – заговорил Звездочкин. – Ведь это же насилие над какими-то барынями.

– Мы их накрыли... Правда... – ответил князь. – Да ведь и мы сами тут. Все причастны к делу и свидетелей нет. Все и виноваты.

– Может быть, это дамы из здешнего общества.

– Говорю вам, все... И они и мы, равно...

Но Аракин не успел договорить... Дверь отворилась. На пороге появилась молодая девушка брюнетка, и, смеясь, вышла в сопровождении пожилой женщины.

Князь ахнул и вскочил с дивана.

Девушка, неудержимо смеясь, подошла к нему и протянула руку.

– Марья Борисовна? – выговорил князь и смутился.

– Мне не стыдно, – звонким веселым голосом произнесла девушка. – Я люблю гадать и часто зову к себе Авдотью Галактионовну. А вот теперь она хворает – я сама пришла.

– Простите, Марья Борисовна... Ради Бога! – заговорил князь виновато и смущенно. – Если бы я знал, что это вы, то поверьте...

– Да я, князь, не сержусь... Что за важность... Вы же пришли гадать... А вы еще гусар, воин. Серьезный человек. А нам, девицам, и Бог велел глупостями забавляться... Ну, идите... Узнавайте свою судьбу! – кокетливо добавила девушка и, надев шубу, направилась к выходной

двери, сопровождаемая своей спутницей. Обе вышли в сени, пока хозяйка тщетно металась и звала девушку проводить гостей. Ее не было нигде.

– Ах треклятая. Опять провалилась!.. – ворчала хозяйка.

Аракин между тем оглянулся в горнице и не нашел товарища.

– И мой тоже провалился, – сказал он. – Где же он?

– Не знаю-с, не видала... – отозвалась хозяйка любезнее, обращаясь к гостю, названному сейчас «князем».

В эту минуту выходная дверь снова отворилась, и обе гостьи быстро явились вновь в горницу.

Молодая девушка смеялась, но уже иным смехом, с оттенком полусерьезной, полу шуточной тревоги.

– Авдотья Галактионовна! – воскликнула она. – Мы боимся. Позовите Пашу проводить... Или вот вы, князь, пожалуйста...

– Что прикажете?

– Проводите нас... Тут в сенях в углу кто-то вдруг при нас спрятался. Я боюсь...

– Батюшки светы! – воскликнула хозяйка. – Опять забрались. Ради Создателя! Ваше сиятельство!.. Марья Борисовна! Помогите... Третьевось у меня воров накрыли ввечеру... Ради Создателя...

– Полноте! Успокойтесь! – заговорил князь. – Позвольте я вас провожу...

– Батюшка, князь, не уходите! – заметалась хозяйка. – Марья Борисовна. Золотая... погодите... Уйдете вы, меня тут одну убьют... Золотая... Дайте прежде оглядеть... с фонарем!.. Ваше сиятельство, ради Создателя. Вот! Вот фонарь...

Страх мещанки сообщился тотчас и пожилой женщине и самой молодой девушке. Она перестала смеяться и вопросительно-тревожно глядела в лицо князя.

Аракин ухмыльнулся с чувством собственного достоинства и гордо принял роль и вид спасителя беззащитных.

Он взял зажженный хозяйкой фонарь в левую руку, подал другую молодой девушке и выговорил шутливо:

– Пожалуйста. Пускай целая армия грабителей нападет на вас, но пока я жив, с вами ничего не случится.

И сразу открылось торжественное шествие.

Впереди двинулся Аракин под руку с девушкой, которая снова смеялась, но невольно жалась к своему покровителю, за ними пошла гостья спутница, а за ней хозяйка, и явившаяся, как из-под земли, девчонка служанка.

– Вон там! В углу! За бочкой! – шепнула девушка князю, когда они были в сенях.

Князь улыбнулся недоверчиво, но присмотревшись, действительно увидел в полусвете, бросаемом из закоптелого фонаря, какую-то фигуру, прижавшуюся в углу...

– Я боюсь... – шепнула девушка...

Но князь зашагал решительнее и, подняв фонарь над головой, крикнул: «Кто там?!»

Из-за бочки двинулась на них фигура в военной шинели...

– Это вы? – вскрикнул князь.

– Я... – конфузливо откликнулся юный корнет.

Громкий всеобщий смех огласил сени.

– Вы всех перепугали! – хохотал князь. – Вас за грабителя приняли. Да зачем же... Что же вы тут делали?..

– Я... я – ничего... Так... – смущенно и едва слышно ответил корнет.

Молодая девушка, не имея возможности сдержать чуть не истерический смех, бросила руки Аракина и побежала вперед. Вскоре она была уже за калиткой на улице, но и оттуда все еще доносился ее припадночно-звонкий смех до слез.

– Ах вы, Звездочкин, Звездочкин! – хохотал князь. Но вдруг, бросив фонарь, он пустился догонять девушку... Настигнув, он попросил позволения проводить ее до дома.

– Вот происшествие-то... – сказал он весело.

– Да... Но зачем же он спрятался? – смеялась девушка. – Скажите, кто это? Ваш... Гусар ведь...

– Да, товарищ. Корнет Звездочкин.

– У него пресмешное лицо, – заметила девушка и прибавила мысленно: «но милое».

А оставшийся в сенях с хозяйкой Звездочкин мысленно повторял:

«Как глупо! Как глупо! Думал вежливее, лучше, а, вышла чертовщина».

– Теперь слободно. Если такое ваше желание... Если прикажите – пожалуйста... уже несколько раз повторяла хозяйка, корнету.

– Нет... нет... – отозвался, наконец, Звездочкин. – Уж лучше в другой раз. Скажите, кто эта девица?

– Нам не полагается сказывать, – жеманясь, ответила женщина.

– Да ведь я от товарища все равно могу узнать.

– И то правда... Это барышня Задольская, Марья Борисовна.

– Задольская? Ну что ж... Пускай... Мне все равно.

И корнет двинулся из сеней в раздумье.

«Как глупо, – бормотал он уже на улице. – Задольская? Это чей дом мы глядели. Глупо. Не хотел вот конфузить и ее и себя. А вышло хуже! Ну, ушел бы совсем. А то выдумал в темноте пропустить мимо себя. Вот и пропустил! Как, Господи, глупо.

И через несколько минут, выйдя на большую улицу, корнет прошептал:

– А ведь эта... очень хорошенькая... А как князь сконфузился? Уж не та ли эта, в которую он влюблен? Вот оказия-то была бы... Да. Очень, очень хорошенькая. А я то... я то... Отличился! Гусар, да за бочкой!.. Может быть еще с капустой...

Глава 4

В этот же самый вечер, как было условлено заранее, у старшего в полку офицера полковника Капорко должны были собраться несколько человек товарищей, чтобы потолковать насчет бала.

Капорко не пользовался особенным уважением и особенной любовью в полку именно за то, что был старшим и уже очень давно. Его прозвище было «Запорка». Будучи старшим полковником, он не выходил в отставку и запирал собой целый ряд вакансий и производств. Про него говорили полушутя, полу досадливо:

– Отопрись эта проклятая Запорка, сколько тогда человек выиграют по чину!

Каждый раз, что слабый здоровьем холостяк хворал и ложился в постель, в полку довольно серьезно начинали помышлять о том, «отопрется запорка или нет?» Помрет Капорко, или опять встанет? Но, увы! Полковник всегда снова вставал.

Более всех злобствовал на Капорко командир первого эскадрона, подполковник Бидра. Человек богатый и самолюбивый уже сидел более десяти лет в этом чине из-за проклятой «Запорки». А между тем он мечтал только об одном: быть произведенным в полковники и сейчас же жениться.

Человек десять офицеров должны были явиться в квартире Капорко, чтоб обсудить один очень важный вопрос. Лист приглашенных на бал давно был составлен, но не все приглашения были разосланы. Две городские гостиницы были на половину уже полны приезжими помещиками с женами и дочерьми. Пустые номера были уже заняты заранее. Пора было обсудить окончательно приглашение некоторых лиц, приезд которых не ожидался.

Немович и Уткин явились прежде всех к Капорко. Затем приехал пятидесяти с лишком летний Бидра, маленький, худой, рыжий, с большими ногами, металлическим голосом и злыми глазами. Про него говорили некоторые, что у него особенно злой ум. Другие определяли вернее: весь он был «умная злость».

Несколько позднее явились к Капорко три эскадронные командиры. Майор Андрюхин – полу-хохол, полу-поляк происхождением, с огромными висящими через подбородок усами, и самый добродушный русский человек сердцем и разумом. Арсланов, тоже майор, по происхождению имеретин или грузин, без малейших национальных типических черт восточного человека. Арсланов был настоящий гусар, много выпивал, не пьянея до бессознательности, много играл в банк и штосс, и часто дрался на дуэли. Он был всеобщим любимцем в полку. Третий эскадронный командир был ни рыба, ни мясо, ни немец, ни русский, – ротмистр Грабенгатайн. Он обыкновенно молчал всегда пуще всякой могильной плиты.

Затем явился ротмистр Караваев, чисто русский человек по рождению, но по внешности армянин или грек, а по свойствам характера и по склонностям – жид. Ротмистр был командиром нестроевой команды.

В числе приглашенных были и два младшие офицера: Корнет Рубинский 2-й, очень умный, «читающий» гусар, и поручик Николаев, высокий и стройный блондин, большой ухаживатель и сердцеед.

Когда все гости полковника уселись в гостиной и принялись за жидкий чай с лимоном, явился князь Аракин, сияющий довольством. Все оказывались на лицо и Капорко вежливым до робости и нерешительным голосом, что было его отличием, попробовал было начать деловую беседу, заговорив о бале... Но это не удалось...

– Ну-с, так как-с вот... Насчет делов-то наших-с... – сказал он.

– Да вот увидим, что-нибудь решим! – гаркнул майор Андрюхин, своим добродушно резким голосом. – Успеется!

И по этому голосу видно было, что майор хоть двадцать четыре часа будет участвовать на совещании, но ничего не решит.

– По-моему, коли решать главный вопрос как следует, – выговорил ехидно Бидра, – пригласить их обеих, да в зале и повесить рядом, или одну против другой... Здоровые костыли Немович приготовит.

– Вы всегда-с так шутите, подполковник! – отозвался тихо Капорко. – Давайте-с серьезно говорить-с.

Все офицеры, двусмысленно улыбаясь, промолчали, зная о чем речь Бидры, и в чем заключается главное затруднение. И снова началась болтовня.

Проболтав часа два о служебных мелочах, о военных новостях, было снова предложено заняться делом.

Первым пунктом совещания явился бывший предводитель дворянства Курганов, находившийся теперь в контре с новым предводителем.

Но этот вопрос был не мудрен. По предложению Арсланова было решено послать одного из младших офицеров в имение бывшего предводителя.

– Кого же послать? – спросил кто-то.

– Кого-нибудь из младших... Ну хоть Аракина. Ради параду... Он сиятельный.

– Самое лучшее, Звездочкина! Он такой тихий, учтивый!

– Верно... верно... – заговорили многие. – Звездочкина. Послать князя к Курганову – много чести.

Решено было немедленно дослать денщика на квартиру корнета Звездочкина, тотчас вызвать его и дать поручение на другой же день рано утром выезжать с приглашением к бывшему предводителю.

– Ну-с, теперь главный вопрос! Тут уже-с... признаться сказать-с, тернии и шипы, – пошутил Капорко тихо, ласково и опуская глаза, как бы от смущения.

Все опять начали двусмысленно переглядываться, улыбаясь и зная заранее, что этот вопрос решить мудрено. Дело шло о том, приглашать или не приглашать барышень Задольских.

– Да! – воскликнул вновь Бидра. – Барышни Задольские!! Да! Магические два слова! Ей Богу, говорю приготовить два костыля, поздоровее, да обе эти картинки...

– Полно вам, – отмахнулся несколько угрюмо майор Арсланов. – Эдак мы никогда не кончим... А музыка, слышите, уже началась.

И майор показал пальцем в соседнюю комнату, где денщики устанавливали стол для ужина, за которым ожидалось и шампанское. А ужин, бывавший у полковника раза два в месяц, бывал всегда хороший, лучше, чем у других офицеров, так как у Капорко были средства. Недавно полковник двенадцать лет подряд командовал эскадроном, а однажды случайно более года исправлял должность полкового командира.

Так как майор Арсланов, первый пьяница в полку, стал настаивать, скорее сесть за ужин, то решено было дожидаться только Звездочкина. Через полчаса посланный солдат явился обратно.

– В гостях, ваше благородие, у протопопа! – рявкнул денщик.

– Батюшки-светы! Куда угодил корнет наш! – ахнул Арсланов. – Ну, вдруг, протопопадья влюбится в него...

Гусары уселись тотчас за ужин и оживились за столом хлебосола полковника, умевшего угощать. После долгой веселой болтовни о всякой всячине, снова в третий раз поднят был шуточно важный вопрос.

– Вот что, господа, – заговорил добродушный Андрюхин, – позвольте мне объяснить на мой рассудок. Во-первых, прежде всего, опять-таки, и в сотый раз, при всех вот клянусь Всемогущим Богом и всеми святыми угодниками, что я ни за одну из них формально не сватался и, стало быть, отказа никакого не получал. Вот вам Христос Бог! Не верите, как хотите!

– Да, верим, верим! – раздалось несколько голосов. – Ведь это про всех говорят.

– Да, вестимо про всех, но про иных-то говорят резонно, а про меня... сушая клевета. Я за всю мою жизнь про эдакую мерзость, чтобы жениться, никогда не помышлял. Я офицер, а какой это офицер женатый! Я бы на месте Государя приказал бы женатых офицеров тотчас из полка исключать.

– Вона! Хватил! Браво! – раздались голоса.

– Так позвольте. Насчет дела. Если нам пригласить на бал барышень Задольских, – протяжно заговорил Андрюхин, – то тогда неукоснительно произойдет некий скандал и даже чертям в аду будет тошно от недовольного вида некоторых господ офицеров.

– Какое нам дело до чертей! Хорошо им, или дурно, – сострил Бидра. – Не сватайся!

– Дайте сказать! – добродушно крикнул Андрюхин. – Если же с другой стороны барышень Задольских на бал не пригласить, то будет такая дьявольщина, что не только чертям будет тошно, а воистину в Малороссийске будет светопреставление! Вот теперь, стало быть, нам надо решить, что лучше: чтобы чертям в аду было тошно и некоторым людям на балу не выгодно, или чтобы было настоящее столпотворение и землетрясение. Отсюда я вывожу, что как ни вертись, а барышень пригласить надо.

Наступило молчание. Казалось, что никто из присутствующих не хочет первый выразить своего мнения.

– Вопрос крайне мудреный, – заговорил Уткин. – Просидим мы тут зря до рассвета и ничего не решим, потому что у многих рыло в пуху.

– Позвольте, – вымолвил вдруг Караваев, – что значит рыло в пуху?

– А вот на воре шапка горит. У вас оно в этом самом пуху, – ехидно зашипел Бидра. – Всем известно, что вы сунулись курочку съесть, но скушать-то не удалось ни той, ни другой. Вот вы теперь, конечно, приглашать их на бал и не пожелаете. А вот я не хватался ни за одну, так по-моему их надо непременно пригласить на бал и умертвить... ради того, чтобы мир, тишь и гладь наступили на земле, хотя бы на той земле, где расположен Мариинской гусарский полк. Пространство невеликое. А то из-за этих двух попрыгушек у нас в полку всякие неурядицы. Торчат на глазах две хорошенькие девчонки, да со здоровым приданым, с поместьями и капиталами. А у нас в полку почти все голь. У кого и было что, так протрублено и давно из трубы в поднебесье улетело. Вот, по-моему, и надо бы их похерить.

– Вы все шутите, подполковник! – мрачно заявил Грабенштейн.

– Вестимо, шучу... А коли хотите вопрос решить серьезно, то опять-таки я вам в сотый раз предлагаю: давайте всем полком их похитим, да обеих, по-нашему усмотрению, и обвенчаем с двумя нашими офицерами. Сделаются они полковыми дамами, перестанут быть невестами и будет у нас тишь да гладь, да Божья благодать!

– Э-эх! – воскликнул майор Арсланов, сильно подкутивший и красный, как рак. – Все турусы на колесах! Ну, решайте... Воровать, так завтра, хоть утром! Да! Уворуем и обвенчаем... Ну, с князем Аракиным что ли...

– Обеих! – пошутил Капорко.

– Обеих нельзя... Да мне все равно... Ну, по жеребью... На узелок... – пьяным голосом крикнул Арсланов.

– Замолчи ты... Конца, господа, не будет, – заявил Николаев.

– Стойте, стойте! – заявил Немович. – Давайте большинством голосов решать. Звать барышень Задольских, или не звать?

– На голоса! Ну-с, начинайте! Ну, вы, Караваев!

Караваев промолчал и угрюмо отвернулся, бурча что-то себе под нос, а все общество залпом хохота ответило на предложение.

– Стойте. Я выдумал! – серьезно произнес Бидра. Давайте нам, полковник, каждому по клочку бумажки. И каждый из нас будет класть клочок в шапку, или в ящик, что ли... Куда-

нибудь! Баллотировка! Бумажка цельная будет означать – приглашать, бумажка с оторванным уголком будет означать – не приглашать. Сочтем голоса и готово.

– Отлично! – усмехнулся Капорко. – Сию минуту будет готово.

Полковник поднялся, достал лист бумаги, нарезал его ножницами на маленькие четырехугольники в вершок величины и роздал всем присутствующим по кусочку.

– Прежде чем класть, – скомандовал Бидра, – незаметным манером откусить уголок, якобы патрон.

Офицеры, смеясь, поднялись с мест. Хозяин, перейдя в соседнюю комнату, достал большой картон и поставил его там на столе. Затем, со смехом и прибаутками, все выстроились перед дверями комнаты и начали, как на смотр, поочередно туда маршировать.

Первый показал пример сам хозяин и бросил свою бумажку в картон. За ним проследовали в комнату все офицеры, по привычке соблюдая старшинство.

Когда все бумажки были в картонке, Капорко вынул их и стал выкладывать на стол. Оказалось, что все билетки были цельные и не один не откушен. Открытие произвело настоящий скандал.

В квартире полковника раздался такой хохот и длился так долго, что два денщика прибежали из кухни и прислушались. Даже двое прохожих жидов остановились под окнами и тоже прислушались.

– Гевалт! – сказал один из них.

Действительно, приключение было неожиданное. Те, которые были за барышень Задольских, не боялись класть билетки цельными, но те, которые якобы их ненавидели и презирали, попались как в ловушку.

Теперь было очевидно, что и Андрюхин, несмотря на полученный от разборчивых невест «арбуз», пожелал пригласить барышень, и Караваев пожелал, конечно, пригласить, и Николаев с Рубинским, относившиеся к барышням с крайним презрением, тоже положили билетки цельными.

– Вот-с, это ловко! – не переставая смеяться, несколько раз произнес Капорко. – Ей Богу-с ловко! Ай да барышни-с! Правду говорит Бидра: магические слова – барышни Задольские!

– Ну, что ж, по крайней мере, решили, – сказал мрачно Грабенштейн. – Стало быть, завтра и приглашение посылать.

– Не письменное, – отозвался Андрюхин. – Надо послать князя Аракина лично пригласить.

– Что же, я не прочь! – тотчас отозвался князь.

– Еще бы прочь!.. – проворчал Николаев.

Гости по приглашению хозяина вернулись в столовую и заняли снова свои места «кончать пол дюжину». Едва они успели выпить по стакану шампанского, как в горницу явился юный корнет, за которым посылали солдата.

– Звездочкин! Здравствуй! Иди братец! Что протопоп? – раздалось отовсюду.

– Извините... – начал было явившийся.

– Извиняем ради протопоповны! – крикнул Андрюхин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.